

НА РУБЕЖЕ

1957

№4.

НА РУБЕЖЕ. 1957 №4

сербский поручик, «читая, что избитый (можно ли сказать равнодушнее в этот момент о Каме́неве!) не устоит на ногах, приказал вбить в доску дровяника большой гвоздь, чтобы подвесить приговоренного».

Могут возразить, что ракурс писательского видения здесь смещается на поручика, что *его* глазами дается вся эта картина. Но, во-первых, тогда уж нужно, чтобы это как-то двигало десятистепенный, с точки зрения перспективы романа, образ поручика, чего в романе нет, а, во-вторых, тут художественно, для создания образа всего эпизода явно нужны другие детали. «Каме́нев выкрикнул, что захватчики скоро доберутся и до жителей». Уместна ли здесь эта казенная фраза? Она встряла в художественную ткань словно бы из дневника какого-нибудь захудалого писателя. А ведь как важно здесь даже не только показать, *что* выкрикнул большевик перед расстрелом, но и *как* он это сделал, словом, дать живую картину, а не протокольную запись.

Привели Вицупа. «Тот (!) стоял молча, потупив глаза» (как будто речь идет о стыдливой институтке, выслушивающей строгий выговор от классной дамы!). «Третий залп умертвил (!) его. Последним был расстрелян девятнадцатилетний Малышев».

А народ, который при сем присутствует? Он поистине «безмолвствует», но не сила в этом безмолвствии, а лишь тупой страх — вряд ли самое характерное проявление состояния *всех* советских людей в этой ситуации. Писателя попросту не интересует, как ведут себя они при расстреле своих вожаков, а запоздалый «гневный крик из толпы»: «Чего над мертвым изгиляетесь?!» потребовался автору художественно лишь, по существу, для того, чтобы отметить, что «сербский офицер не понял выкрика». Весь эпизод кончается не очень грамотной фразой: «Убийством трех членов Кемского Совета лишь начался в Беломорье бесконечный список расстрелянных, замученных в застенках и запертых в острогах».

Беда даже не в том, что *список* не может начинаться *убийством*, а в том, что

сцена, которая могла бы потрясать не только его свидетелей, но и читателей, воспринимается как более или менее достоверная фотография с натуры, а не художественное полотно.

Не трагедия, а именно «список»!

Конкретный анализ художественного стиля со всей беспощадностью обнаруживает первейшую роль мировоззрения писателя. От того, какими глазами он смотрит на мир, что его волнует или оставляет равнодушным, зависит и авторская позиция, и его стиль, и, конечно же, восприятие читателя. Все это лишний раз подчеркивает, что и стиля нет вообще, есть стиль, отвечающий теме, как писал Н. Некрасов. Разностильность второй книги «Беломорье», как видим, прямо ведет ко многим серьезным идейно-художественным просчетам, на которые уже справедливо указывала критика, и которые, конечно, еще заслуживают более обстоятельного разбора, как и весь роман в целом.

Дело, стало быть, не в том, что писатель, как это принято говорить, «мало поработал над языком», не в словесных погрешностях, хотя их можно привести немало, во всяком случае, не только в них. И в романе, и в повести, и в рассказе, и в поэме, и даже в самом коротком стихотворении истинный писатель не слова присоединяет к словам, а как бы нанизывает образы-картины, образы-штрихи, созданные, разумеется, посредством слов и выражающие идею, пропущенную не только через расчетливый ум, но и через горячее сердце творца.

По волшебному мановению его искусного пера «бедный наш язык» превращается в могучий стиль, который как острый стилет разит без промаха. Многогранные и различные образы, воспроизводящие действительность и выражающие отношение к ней писателя, именно поэтому становятся основой искусства. Без них оно не существует.

«Срисовать картинку для видика» может ремесленник, способность *образно* воспроизводить жизнь во всех ее неповторимых проявлениях — рождает художника.

Э. КАРХУ

☆

ПЕСНИ ПЕРЕЛОМНОГО ВРЕМЕНИ

(Из истории финляндской рабочей поэзии)

Великая эпоха революционного отрицания буржуазного мира, ознаменовавшаяся одной русской Октябрь, оставила глущий след в истории финляндской литературы. Одним из самых значительных литературных явлений той поры было зарождение революционной рабочей поэзии, которая еще так мало изучена, и которую финляндское академическое литературоведение вообще исключает из истории национальной литературы.

Изброшенное в различных рабочих газетах и изданиях, выходивших в самой Финляндии и вне ее, это творчество рабочих первой четверти XX века пока что собрано воедино и даже, пожалуй, не во всем его объеме*.

Литературу того периода, надо полагать, пришло немало людей из рабочих, шло разными путями и с разными судьбами. Не все из них понимали до конца поворотную суть бурных событий. Как и в своей автобиографической книге «Рабочий класс» (1924) К. Каатра, у финляндских крылатых певцов: одни из них с радостью и с полемикой потеряли свой голос; другие решили вместо случайных обедов поодиночке обеспечить себе постоянный кусок хлеба и постучались в дверь имущих; третьи остались в семье рабочего класса, в числе последних были и такие, чьи пестоты раздражали существующий строй, певцам поспешили зажать рот». Некогда из них были расстреляны контрреволюционеры.

Хотя вся эта поэзия и трудно доступна, однако ясно, что она включает в себя любопытнейшие литературные документы о революционной эпохе дерзновенных порывов и

величайшего революционного динамизма. В лучшей своей части это была именно поэзия революционного действия, поэзия самих участников классовых битв. Она дорога нам и как свидетельство того отзвука, который вызвала на всех пяти континентах Великая Октябрьская революция.

Рабочие поэты жили в «переломное время», как они сами именовали свою эпоху, и в силу этого они не только развивали, но и порывали с традициями прошлого, подчас трудно и не вдруг преодолевая все мешающее им полнее выразить свое время, освобождаясь от утопических иллюзий и мелкобуржуазных упований, проникаясь сознанием того, что только революционному пролетариату дано смести буржуазный миропорядок.

1

Пролетарские поэты начала XX века не явились первооткрывателями «рабочей темы» в финляндской литературе. Не говоря уже о таких финляндских реалистах конца прошлого столетия, как М. Кант и Ю. Эркко, писавших на эту тему, попытки критики капиталистического города, жалобы на ускоряющийся процесс превращения рабочего в механический придаток машины и на пауперизацию народных низов можно встретить в той или иной мере еще у романтиков середины XIX века. Примерно тогда же в Финляндии впервые ставился вопрос об исторической правомерности обращения литературы к изображению жизни рабочих — все это, в основном, применительно к передовым странам западной Европы, где имелись развитые буржуазные отношения. В. Снельман, например, указывал, что европейская цивилизация вступала в «третий период» своего развития, который определяло появление рабочего класса на исторической арене. Отсюда и зарождение рабочей литературы в Европе представлялось Снельману событием вполне за-

Некоторые материалы, использованные в этой статье, были любезно предоставлены ее автору научным сотрудником Кабинета финляндского филиала АН СССР Х. И. Лех-

кономерным. Выступая в защиту чартистской поэзии в Англии, он писал: «Почему бы мужественная борьба рабочего с нищетой и угнетением, на которые он обречен состоянием современного общества, являлась менее поэтической темой, чем борьба республикански настроенного аристократа против деспотизма?» Однако в подобных своих рассуждениях Снельман никогда не выходил за рамки буржуазного либерализма.

В феодальной Финляндии эти вопросы еще не имели особой остроты. Передовые ее писатели в ту эпоху связывали свои мечты о возрождении родины с просвещением крестьянской массы, с пробуждением ее дремлющего критического рассудка. У них усиливался интерес к крестьянским восстаниям, как к наиболее ярким проявлениям классовых противоречий в феодальном обществе. В конечном счете появилась и поэзия, проникнутая идеей крестьянской революции, и этой поэзии впоследствии многим были обязаны также первые рабочие поэты.

К концу XIX века все с большей очевидностью стали обнаруживаться несостоятельность и утопизм положительных идеалов в творчестве финляндских писателей, обличавших противоречия капитализма с позиций крестьянского мировоззрения и мелкобуржуазного демократизма. Это было характерно не только, скажем, для Ю. Ахо, но в значительной мере и для тех авторов, которые уже непосредственно писали о тяжелой доле рабочей массы (М. Кант, Ю. Эрко). Их сила заключалась именно в критике капиталистических порядков, в обличении социального неравенства и вопиющего беззакония, лживой буржуазной добродетели и бессердечного культа наживы. Кант создала образ рабочего-бунтаря, проклинающего буржуазный закон. В трактовке Эрко общественные противоречия проявлялись уже не в бунтарстве одиночек, а в столкновении целых классов; он уже сближался с рабочим движением и написал, в частности, весьма популярный в Финляндии «Марш трудового народа».

Однако и эти писатели, касаясь путей обновления общества, нередко подменяли реальные классовые отношения проблемами воспитания и нравственного самоусовершенствования. Кант, в сущности, пришла к толстовству, а в понимании Эрко социализм был скорее религией всеобщей любви, чем революционным учением рабочего класса.

Как известно, само финляндское рабочее движение долгое время оставалось под значительным влиянием буржуазной идеологии. В качестве охранительной меры

буржуазия сама изъясняла готовность организовывать рабочие союзы, чтобы единолично руководить ими и воспрепятствовать распространению революционных идей. В социалистической пропаганде сказывались ревизионистские и мелкобуржуазные тенденции. Из марксизма отбрасывалось учение о пролетарской революции и диктатуре рабочего класса, сами рабочие союзы рассматривались как некие культурнические, мирно-просветительские организации. В рабочем движении шла напряженная борьба между революционными и буржуазными элементами. Потребовалось много наглядных уроков, чтобы рабочий класс смог убедиться в предательской роли буржуазии и ее пособников в рабочем движении.

Этот путь к политическому прозрению был очень трудным также для писателей, которые потом встали на сторону революции и отдали ей свою жизнь. Достаточно вспомнить о крайне сложных идейных истоках каниях Майю Лассила (например, в романе «Хархама»), о том, что даже после так называемых «Писем буржуа», в которых писатель заклеил буржуазию как исторически обреченный класс и заявил, что будущее принадлежит только социализму, он все же пытался (в статье «Юношество, помоги себе и нам», сентябрь 1917 года) апеллировать к совести буржуазной молодежи, веруя в ее способность примкнуть к борьбе рабочего класса, чтобы избежать кровопролития. И только потом, в 1918 году, Лассила в своем известном обращении «Вперед!» призывал финляндский рабочий класс к насильственному свержению буржуазии.

Довольно противоречивым было и формирование мировоззрения других финляндских авторов, примкнувших к революции.

2

Едва ли не самым талантливым среди финляндских рабочих поэтов первой четверти XX века был К. Каатра (1882—1928). Он родился в рабочей семье, рано потерял отца и еще в детстве познал тяжелую трудовую жизнь, вскоре принесшую ему туберкулез.

Вспоминая впоследствии свою юность, Каатра писал, что в награду за все житейские невзгоды судьба преподнесла ему два дара: общность с нищим рабочим людом, имя которому — класс, и талант певца. В этих словах поэта нет и намека на стремление выпятить свою личную одаренность — у ней Каатра был самого скромного мнения, настойчиво подчеркивая, что единственным всеобъемлюще великим поэтом является сам народ. «Муза всегда обитала

в лачугах — там, где страдание и боль. А во дворцы она перебиралась только при бедствиях... и там ее лира лишь исторгала прекрасные и цельные звуки, когда она настраивалась на поэтический народный низов... В устах народа певческое наследие передавалось от поколения к поколению, от эпохи к эпохе. Собственно, поэты лишь хранят и реже — обогащают. А поэты, подкупленные существующим миром, напротив, губят это наследие, черпают музу, словно она призвана почитать собственности и грабни. Для своего отечеству, благословлять гнет и усилие над народными низами, словно товар, который, подобно любому другому товару, может быть монополизирован и превращен в привилегию...

Каатра к идее служения народу, в столь ранней форме, Каатра пришел не сразу. В начале его стихи имели мало общего с политической борьбой. Это касается, в частности, трех его лирических циклов «Охотник», «Сонеты», «Песни». В них обоживалась незаурядная одаренность автора, его стих гибок и музыкален, он придает напряженной эмоциональностью, чего нет искусства. И все же в этих стихах еще трудно узнать будущего рабочего поэта, хотя он уже искал свою дорогу. Его тревоги и печали еще очень неопределенны. В цикле «Охотник» лирический герой поэта стремится в бескрайнюю даль, мечтает о побеге от оленей, о побеге от оленей. Он не размышляет уже раньше отыскать это прекрасное животное, но ему изменяли силы, он мал собственным сомнениям и отступал. Теперь он ясно видит след, и никто, не боги, не в силах повернуть его назад, заставить вновь отступить, ибо позади — тота и смерть, впереди — цель.

Каатра была поэзия талантливая, но не уж новая по своему духу. Романтизм «Охотник» Каатра сродни «Птице» Векселя, «Буревестнику» К. Лейно и некоторым другим явлениям в истории финляндской лирики.

Все упомянутые три цикла стихотворения Каатра, согласно авторской пометке, написаны им весной — летом 1905 года. Характеризуя этот ранний период своей жизни, Каатра вспоминал, что в ту пору он просто не знал, что делать со своим талантом, к чему приложить его. «Подобно чуждому классу, только пробуждающемуся, но способному к развитию, отдельные его представители также на первых порах говорят лишь о своих горестях, только постепенно приходит упорство, и пыл борьбы».

Революционные события 1905 года при-

несли в поэзию Каатра совершенно новую струю и на многое раскрыли ему глаза — он стал поэтом рабочей массы. Все то, о чем он пел раньше, показалось ему теперь мелким, маловажным, узко личным до эгоизма, по сравнению с величественной поэзией самой жизни, где нарастала борьба за общее счастье всех трудящихся.

Первая русская революция вызвала большой подъем среди финляндских рабочих. Яснее, чем когда-либо прежде, они смогли увидеть, что помимо России самодержавной была Россия борющаяся, и это имело огромное значение для развития интернациональной солидарности между финляндским и русским пролетариатом. В так называемом «Красном воззвании» Ю. Мякелли, обличая антирусский национализм финляндских буржуа, уживавшийся с их раболепием перед царизмом, заявлял в 1905 году от имени трудящихся Финляндии: «Мы уважаем и любим благородный русский народ и в то же время всем сердцем ненавидим ту омерзительную бюрократию, которая в последние годы представляла в нашей стране русских. У нас нет какой-либо особой охоты отделяться от великой России, если только мы сможем увериться в том, что лучшие силы русского народа возьмут управление русским государством в свои руки».

Эта идея общности исторических задач русского и финского народов в их освободительной борьбе выражена и в творчестве рабочих поэтов той поры. Усиление рабочего движения в России вселяло в них новые надежды на скорое освобождение родины от гнета царизма, а революция 1905 года была воспринята ими именно как начало «переломного времени».

В 1906 году вышел новый сборник стихов Каатра с весьма выразительным названием: «На переломе». Книга эта явилась непосредственным откликом на революционные события в России и Финляндии. Подчас свое волнение и смысл происходящего Каатра еще пытался вместить в довольно традиционные в финляндской поэзии образы — социальные схватки в его сознании ассоциировались с борением природных стихий («Перелом», «Весеннее половодье», «Закон природы» и другие стихотворения). Поэт обращался к участникам всеобщей стачки 1905 года в Финляндии, призывая их быть стойкими и идти только вперед, ибо отступление было бы равносильно сохранению рабства. Однако Каатра еще не изжил своих колебаний: то он отвергал всякие попытки «образумить» буржуазию, утверждая, что по отношению к ней у рабочих может быть только одно чувство —

ненависть; то ему самому было неясно, куда ведет борьба, где ее предел, обязательно ли она должна быть связана с кровопролитием.

При всех своих сомнениях поэт тем не менее восхищался беззаветным мужеством участников первой русской революции («Героям»; «Женщина Востока») и верил, что они сражались за правое дело. О павших ее борцах он писал: «Они любили народ, им были знакомы его страдания... Они не могли остаться равнодушными и посвятили себя прекрасному делу, поднимая алый стяг свободы. И взгляни: презирая смерть, за ними пошли сотни, а теперь идут тысячи, весь народ — навстречу свету и свободе». Русские рабочие, заявлял поэт, еще отомстят за свое поражение («Перед грядущим»).

Говоря о «непрямолинейности» своего духовного развития, но в то же время подчеркивая свое постоянное стремление сблизиться с рабочим классом и отстаивать его интересы, Каатра впоследствии сам указывал, что на этом пути у него были идейные срывы, проистекавшие от политической нечеткости его позиций, от мелкобуржуазного характера его прежних воззрений на революционную борьбу. За слишком нечеловеческие условия жизни, писал он, приходилось расплачиваться, они подавляли волю к борьбе и усиливали сомнения. Мелкобуржуазная в своей основе «свобода» поэта время от времени вставала на дыбы и в испуге шаркалась в сторону. Иногда поэт не видел за деревьями леса. Ошибок у него было много. Но лира его была постоянная, она всегда звучала для класса и о классе. Стремилась служить ему.

Стихотворением об этом страстном стремлении поэта петь не для избранных, а для масс, открывается и самый значительный поэтический сборник Каатра — «Песни низов» (1922). Сюда вошли стихи разных лет, в том числе цикл «Поэтическая летопись 1917 года», примечательный в особенности тем, что в нем весьма рельефно отразились настроения Каатра в период от февральских событий в России вплоть до победы Октябрьской революции.

Февральский переворот и свержение самодержавия вначале казались поэту уже полным торжеством идеалов народной свободы. «Наконец-таки сон стал явью, — писал он в «Майских напевах», — и исполнились наши мечты... Многострадальный великий народ Востока прорвал тысячелетнюю преграду, и рухнул оплот гнета. Этот посев приносит плоды и у нас, все истрадавшиеся народы пожинают их, освобождаясь от тяжких оков, и вместе с нами

благодарят народ Востока, в чьей груди бьется пламенное сердце».

Однако вскоре Каатра стал понимать, что борьба еще не завершена, что власть в послефевральской России еще не принадлежала трудящимся массам. В этом поэта убеждало особенно то обстоятельство, что Временное правительство вовсе не намеревалось прекращать империалистическую войну. Ужасы этой кровопролитной войны, на которую буржуазия толкала народы, Каатра рисует в «Карнавале калек», «На распяты» и других стихах. В связи с призывом Керенского о наступлении русских войск поэт пишет стихотворение «Кровь невинных», в котором призывает народ отомстить зачинщикам мировой войны. Против этой бойни, заявляет Каатра («Большевики»), выступили лучшие сыны России — большевики, однако их голос был заглушен воплями апологетов антинародного «героизма». Поэт убеждается в том, что правители преднамеренно хотели потопить в крови надежды угнетенных, и что громкие речи по поводу послефевральской «свободы» — это еще не ликование самого народа. Народ был по-прежнему задавлен и кричать о «свободе» — значило смеяться над ним. Условия жизни масс, столь же тяжелые, как и раньше, «не станут прекрасней от позолоты», пишет Каатра в стихотворении «В шуме свободы». Нищему народу «нет дела до ликования сытых; безмолвный, он погружен в глубокую думу, и кто знает, на что он еще отважится, если все пока — лишь одно надувательство!» Это было предчувствие нового революционного взрыва.

Октябрьскую революцию Каатра встретил восторженным гимном — «Исполнись Востока». Поэт восхищался революционной энергией трудового народа России, который, не взирая на все временные неудачи, вновь и вновь поднимался на штурм старого мира, чтобы в конце концов восторжествовать и явить угнетенному человечеству великий пример борьбы за социальное освобождение. Только революция, сметая со своего пути шарлатанов псевдосвободы, смогла раздавить все омертвевшее и направить жизнь по естественному руслу, ибо, как говорит поэт, сама революция — это и есть жизнь!

3

Во многих произведениях рабочих поэтов передается напряженность той эпохи, озаренной пламенем революций. Авторы преисполнены сознания, что они являются современниками величайших исторических

событий, непосредственными свидетелями созидания истории.

В «Песнях переломного времени» — цикле стихов финских рабочих поэтов — эмигрантов, вышедшем в 1924 году в Америке, — одно из стихотворений М. Рута начинается именно этой мыслью о зримости революционной поступи истории: «История созидается — ее страницы пишутся, когда всю гниль земли лишають исти». Поэт говорит, что человечество, когда еще не знало подобной эпохи, и классовый долг каждого пролетария — идти в ногу с революционным временем, действовать рождению нового мира.

Как Крамсу в свое время доказывал преступность рабской покорности, так и рабочие поэты говорили о «двоюкого рода страхах»: тех, кто смиряется с гнетом, и тех, кто вступает в борьбу с ним.

В финляндском рабочем движении, наряду с революционной пропагандой, было много либерального фразерства, и в смысле борьбы с этим злом весьма примечательны некоторые произведения К. Ахмала, расстрелянного финскими белогвардейцами в 1918 году. Он был не только поэтом, но и мастером короткого рассказа. В частности, в 1920 году был посмертно издан сборник его рассказов под названием «Виселицы». Как по теме, так и по авторскому настроению эти рассказы неоднородны. Подчас в них есть нотки уныния, когда автор настолько подавлен мерзостью буржуазной действительности, что вся жизнь кажется ему гигантской виселицей, в соответствии с чем он, не без доли юмора, раздает свою «философию висельника». Но редко авторская поза пессимиста является скорее лишь литературным приемом, позволяющим рассказчику зло высмеять своеобразное «рабочее» филистерство, красноречивую фразу, причем надо сказать, что Ахмала здесь сводил счеты с собственными иллюзиями, о которых можно судить по отдельным его ранним стихам.

Незаурядный сатирический талант Ахмала проявляется, например, в его рассказе «Свободолюбивый». Это очень небольшая вещь, написанная в духе политического памфлета. Под «свободолюбивым» автор подразумевает тип бесхребетного либерала-эклектика, который кичится мнимой широтой своих убеждений и псевдогуманной терпимостью. Его интеллектуальная сутра, говорит он, может вместить в себя любое мировоззрение, «понять» интересы любых классов. Он одновременно и конституционалист, и анархист, и социалист, и приверженец одной идеи, одного миро-

воззрения обвиняет в «догматизме и предвзятых рассуждах». Политической борьбе классов он противопоставляет свою всеядную программу: «счастье, свобода, братство, просвещение, терпимость». И когда автор заявляет, что сам он все же намерен остаться «догматиком» и придерживаться строго определенных социальных идей, стремясь пропагандировать их, то «свободолюбивый», вполне уловив, о каких идеях идет речь, отвечает: что ж, он тоже ведет «идейную работу», а в 1905 году даже основал рабочий союз, да и теперь иногда навещает его летом. Впрочем, борьба современного ему века мало его интересует, ум его занят проблемами «вечности», — скажем, мечтой о том, к какому гармоническому братству придет человечество в 2500-ом году. В заключение автор приводит убийственные слова из вольтеровского «Кандида»: «Вы собирались воевать с незуитами — будем воевать за них!». Если не добился своего в одном месте, то надо поискать в другом. К тому же видеть и делать новое — очень большое удовольствие». Эти слова принадлежат слуге Кандида, и Ахмала замечает, что его «свободолюбивый» — такой же неисправимый лакей в обстановке столкновения противоположных общественных сил.

Кстати, в сборнике Ахмала есть и другой рассказ, связанный с именем Вольтера и полный глубокого смысла. В комнате у автора, говорится в «Великой загадке», — так называется рассказ — стоит бюст знаменитого французского просветителя, чья разящая сатира когда-то приводила в бешенство ревнителей феодальной реакции. Но теперь, глядя на этот бюст, автор никак не может понять, что выражено на лице Вольтера. Одни говорят, что он смеется, другие утверждают: он плачет. В том и другом случае речь идет, разумеется, уже о современной автору буржуазной действительности, вольтеровское отношение к которой ему хотелось бы узнать. Чтобы разрешить эту «великую загадку», продолжает с лукавой иронией писатель, он накопил уйму всяких вольтеровских бюстов, но все это какая-то невнушительная мелочь, едва ли уже способная на желчную сатиру. Автор даже положил палец в беззубый рот старика, и ничего! — укуса не последовало. Некоторое время спустя автор столкнулся у заводских ворот с рабочим, который угрюмо брел куда-то, подобно бездомной собаке. Он, этот рабочий, уже мог крепко укусить, и в этой рабочей злости, заключает Ахмала, теплится надежда на лучшее будущее.

Наибольшей политической остротой отличается рассказ «Рабочий Анттонен не

в духе», которому автор дал подзаголовок: «Картина времени в год революции». Подразумевается 1917 год, год революционной бури в России. Рабочий Тохмас Анттонен, повествует Ахмала, всегда был невозмутимым оптимистом, в отличие от Тааветти Тойкка, тоже рабочего, но «пессимиста», высмеивающего беспочвенность необузданных фантазий своего соседа. По всякому поводу и вовсе без повода Анттонен с наивной легковёрностью толковал о скором пришествии социализма без родовых схваток, без жестокой борьбы, силой одних лишь благих желаний. Когда в России произошла революция (скорее всего, Ахмала имеет в виду Февральскую революцию), Тохмас Анттонен уже поверил, что перепугавшаяся финляндская буржуазия в буквальном смысле слова умерла от страха и, стало быть, в Финляндии само собою возникнет рабочее социалистическое государство. «Пессимист» Тойкка отвергает эту велебредную благонамеренность, полагая, что «было бы верхом глупости надеяться, будто такое счастье может свалиться прямо с полочки, без своих революций», то есть без революции в самой Финляндии. Тааветти Тойкка оказался человеком куда более дальновидным, чем его приятель. Оправившись от испуга, буржуазия выпустила на сцену госпожу Реакцию, чтобы она спокойно уселась в министерском кресле. Посещая митинги на городской площади, Тохмас Анттонен каждый раз убеждался в ухудшении политической погоды, а затем подул уже совершенно холодный ветер. И чтобы госпожа Реакция не заразила его своим специфическим кашлем, Анттонен решил искать более надежной и действенной защиты, чем его прежние грезы: он вступил в рабочую организацию, членом которой уже давно состоял «пессимист» Тааветти Тойкка.

Этот рассказ Ахмала переключается с «Песней летнего зноя» Каатра из его «Поэтической летописи 1917 года», только у поэта сходная идея выражена иными средствами образной символики. Дыхание революционных событий в России ассоциируется в сознании Каатра с картиной знойного лета. И финский народ, говорит поэт, не должен упустить эту жаркую страдную пору, нужно спешить, лето имеет свой конец, могут ударить заморозки и уничтожить все, что оно принесло. Пролетарии должны набраться сил и разбить оковы.

«Переломное время» — это прежде всего время активного действия, которого не заменить никаким фразерским пылом, никакими мечтаниями о грядущем царстве справедливости. Революционная энергия—

вот девиз эпохи, вот ее прекраснейшая поэзия. И именно восставший народ России выступил с этой героической «песней действия», говорит М. Рутанен в своем «Гимне Востоку». Подобное же стремление прославить практическую борьбу побудило Каатра впоследствии заявить, что в его глазах рядовой боец революции, павший в ее сражениях, всегда достоин неизмеримо большей славы, чем поэт, который сам не шел на баррикады, чтобы драться с оружием в руках. Это был критерий классовой преданности, рожденный в эпоху величайшего напряжения всех усилий революционного пролетариата.

4

Финляндская революция 1918 года закончилась поражением восставших. Оно нанесло чувствительный удар и прогрессивной финляндской литературе. Вместе с десятками тысяч революционных борцов погибли Лассила, Ахмала, Тантту. Те, кому удалось избежать расправы контрреволюции, тайно покинули родину. Каатра оказался в Швеции.

Трагедия финляндской революции, разумеется, не могла не отозваться глубокой болью в сердцах прогрессивных писателей. Некоторыми из них овладела растерянность. Она чувствуется, например, уже в предсмертных статьях Лассила.

И все же рабочие авторы не потеряли веры в силу рабочего класса — огромную роль здесь сыграло всемирно-историческое значение Октябрьской революции. Из разных уголков земли — из Швеции, из канадских лесов, из далекой Пенсильвании и иных американских штатов — финские поэты-эмигранты приветствовали победу русского пролетариата. Характерно, что даже такой поэт как А. Пяйвиэ, долгое время придерживавшийся ревизионистских взглядов и пропагандировавший мирное «рабочее просвещение» вместо идей пролетарской революционности, все же нашел слова приветствия для Октября, а после торжества контрреволюции в Финляндии писал: «Кровь за кровь! Только кровью мы сможем в Суоми белогвардейскую нечисть, только так избавится родина от рабства, и народ обретет мир». Это свое стихотворение («На могиле революционерки») автор, видимо, в упрек своим собственным ревизионистским шатаниям назвал «запоздалым венком» в память тех, кто беззаветно служил делу революции.

Победа Октября окрылила другие угнетенные народы, революционное пламя перекинулось в Германию и Венгрию. Воспевавшая этот могучий натиск революции,

Лахтинен писал в одном из своих стихотворений, что «огненный маяк» снят «на берегах Рейна, чтобы облегчить страдания народов, и, подобно восходу солнца, озаряет волны Дуная».

Героика эпохи побуждала рабочих поэтов и в историческом прошлом прежде всего выделять события и легенды, в которых проявлялась мощь человеческого духа, готовность к самопожертвованию во имя свободы и счастья людей. Образ Прометей привлек к себе внимание Каатра; него же, как и у Ахмала, есть стихи о восстании Спартака, воспетом еще Крамсом. Влияние этого певца «дубинной войны» особенно явственно выступает в «Спартаке» Каатра. Рабочих поэтов объединяет Крамсу, помимо некоторых сходных элементов поэтического стиля, также и то, что спеваемые ими сильные личности не противостоят народу, но возглавляют его борьбу и сильны именно своим единством с ним. Они не тягостятся своей зависимостью от массы, им не известны те индивидуалистические жалобы на ее «произвол», которые можно встретить, например, в стихах Казимира Лейно. Если в «Самуэле реэле» А. Ярнефельта «трагизм» героя подпитывается его духовному бессилию и нежеланию встать во главе мятежных крестьян, то для В. Лахтинена в его «Стеньке Разине» само поражение крестьянского восстания и казнь его вождя не являются знаком бесплодной трагедии, ибо кровь восставших была пролита за свободу, о них помнит народ.

Стремясь выразить пафос своей собственной эпохи, рабочие поэты подчас осоменивали события и легенды прошлого, вплоть до причисления Христа к единому ряду великомучеников борьбы за социальную правду, как это делает и Лахтинен в «Стеньке Разине».

Вместе с тем буря революции порождала героев-современников, и рабочие поэты посвящали им свои песни. М. Рутанен, например, воспел французскую Жанну Лябурб, активную участницу гражданской войны в СССР против белогвардейцев и интервентов. После ее гибели в 1919 году В. И. Ленин указывал, что «имя французской женщины, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе — это имя стало известно всему французскому пролетариату...» (Соч., т. 30, стр. 188). Восхищаясь героизмом этой женщины, Рутанен говорит, что она была достойной дочерью своего отца, участника Парижской Коммуны, и что ее подвиг был проявлением ее огромной любви к трудящимся всех национальностей. Рутанен посвятил также стихи Карлу Либкнехту, Майю Лассила, безымянному «красному узнику». Впоследствии поэт, покинув Америку, приехал в Советскую Карелию.

На фоне того идейного разброда, который был столь характерен для финляндских писателей, отвернувшихся от революции, творчество рабочих поэтов представляет собой весьма значительное явление в истории литературы Финляндии. Через самые трудные испытания эти поэты пронесли свою любовь к трудовому народу, верность рабочему классу. После поражения финляндской революции К. Каатра писал: «Вера в конечную победу трудящихся масс крепла в ходе их борьбы и сильнее всего теперь, когда старый режим, видимо, окончательно стабилизировал свое положение, когда рабочий класс унижен до предела». Эта твердая вера в грядущую победу финляндского пролетариата подкреплялась великим примером Октябрьской революции.